

Ольга Поволоцкая

К проблеме последнего абзаца 32-й главы романа «Мастер и Маргарита»

В 2014 г. издательством «Пашков дом» опубликован двухтомник *«М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Полное собрание черновиков романа. Основной текст»*.

Составитель, текстолог, публикатор, автор предисловия и комментариев – кандидат филологических наук Е. Ю. Колышева.

Рецензенты: доктор искусствоведения В. В. Гудкова, кандидат филологических наук В. А. Коханова.

Первое, что нужно сказать, что издание этого двухтомника – настоящее событие в области булгаковедения.

Е.Ю. Колышевой проделана титаническая работа по «сборке» основного текста романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». В этом двухтомнике читателю представлено полное собрание черновиков романа, по которым при желании можно увидеть самому, как формировался и развивался замысел сложнейшего текста, над которым писатель трудился долгих 12 лет. История работы писателя над созданием своего великого романа в ее самой драматической заключительной стадии описана исследователем во 2-м томе настоящего издания, где представлена «Шестая редакция романа «Мастер и Маргарита» (1938 – 1940)». Эта история во многом является историей авторской мысли, запечатленной в работе Булгакова по окончательной правке своего романа.

Несмотря на огромный объем этих двух томов, работать с ними очень удобно. Предложенный составителем аппарат описания рукописного наследия: система обозначений, сносок, графика, комментарии, таблицы – все служит ясными и точными ориентирами, помогающими легко отыскать нужную информацию об истории создания великого романа.

Е. Колышева нашла метод адекватного графического описания всех слоев правки основной машинописи 1938 – 1940 гг. Затем сличила с ней еще два источника: машинопись 1939 – 1940 гг., которую начала печатать сама Елена Сергеевна Булгакова осенью 39-го и закончила уже после смерти мужа, но до начала Великой Отечественной войны, а также машинопись 1963 года, сделанную Еленой Сергеевной. Очевидно, вдова Булгакова стремилась выполнить ту же работу по «сборке» Основного текста, что и автор настоящего труда.

Е. Колышева, конечно, понимала, принимаясь за эту работу, что неизбежно вступает в конкурентный спор с уже ушедшим навсегда человеком, чья роль в жизни Булгакова и в деле сохранения его наследия непререкаемо огромна; мнением Елены Сергеевны Булгаковой просто так пренебречь невозможно. Чтобы его оспорить, нужно создать весомую доказательную базу. Это делает проект Колышевой амбициозным и очень смелым.

Что же дает текстологу право отменить множество редакторских правок, внесенных в текст вдовой Булгакова? Это право ей дает убеждение в том, что она опирается на незыблемый фундамент научного знания. Стратегия Е. Колышевой – опора на скрупулезный филологический анализ текста. Ее цель – вернуть булгаковскому роману, по возможности, тот вид, который он имел при жизни писателя в «Шестой редакции».

Заканчивая предисловие, Колышева пишет: «Таким образом, источником установления основного текста романа «Мастер и Маргарита» является машинописный текст 1938 г. с системой правки 1939 – 1940 гг. до главы 19 включительно с учетом характера печати и правки Е.С. Булгаковой»¹. В переводе с научного языка на бытовой это означает, что все редакторские правки, сделанные вдовой писателя в машинописи 1963 года, Колышевой отвергнуты.

Надо сказать, что во втором томе этого исследования все разночтения двух машинописей представлены в многостраничной таблице под названием «Свод разночтений, выявленных в машинописи 1963 г. относительно изменений, сделанных в машинописи 1939-1940 гг.»². Эти изменения текстологом проанализированы, классифицированы и сведены в группы по формальным лексико-грамматическим признакам (всего 14 групп). Рассмотрены все виды исправлений от: несоблюдения абзацных отступов, нарушения границ предложения, правки повторов - до употребления союзов, предлогов, частиц. Каждый вид внесенных изменений проанализирован с целью показать, как исправление изменяет смысловые акценты. И здесь филология торжествует: скрупулезный точнейший анализ сам собой подтверждает правоту исследователя: безусловно, нужно возвращаться к «Шестой редакции романа...», к машинописи 10.2 (так она обозначена текстологом).

Ясно, что, когда в 1963 году Елена Сергеевна на основе «Машинописи 1938 г. с правкой 1938 – 1940 гг.» и «Машинописи 1939 – 1940 гг.» работала над созданием своей версии основного текста романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», ее цель и цель Е. Колышевой, очевидно, совпадали. И в этой конкурентной борьбе вдова Булгакова, несомненно, проиграла. Ее редакторские правки

¹ Том 2. С. 86

² Том 2. С. 32 – 84.

вносили ненужные акценты, искажали авторскую мысль, это доказывает анализ, проведенный Е. Колышевой. Каждый может в этом убедиться сам.

Отвергнув машинопись 1963 г. как достоверный источник текста, руководствуясь комплексом следующих принципов:

- а) изучение истории текста романа;
- б) исследование системы правки романа шестой редакции;
- в) сопоставление с последней рукописной (пятой) редакцией романа;
- г) опора на машинопись 1939 – 1940 гг.³ -

Колышева «собрала» основной текст.

Итак, наконец-то русская культура получила выверенный, тщательно подготовленный и научно изданный текст великого романа, всемирно известного шедевра русской литературы.

Все так. Однако нельзя не указать на одно, но очень серьезное сомнение.

С нашей точки зрения, именно в силу того, что труд текстолога Е. Колышевой безупречен, оказалась выявленной очень важная проблема, которую невозможно не обсуждать. Ибо недалек тот день, когда всякий уважающий себя издатель будет переиздавать текст бессмертного романа по основному тексту, подготовленному Колышевой. А каждый булгаковед будет цитировать текст Булгакова только по этому двухтомнику. А значит, последний абзац 32-й главы романа «Мастер и Маргарита» «Прощение и вечный приют» будет таким:

- Слушай беззвучие, - говорила Маргарита мастеру, и песок шуршал под ее босыми ногами, - слушай и наслаждайся тем, чего тебе не давали в жизни, - тишиной. Смотри, вон впереди твой вечный дом, который тебе дали в награду. Я уже вижу венецианское окно и вьющийся виноград, он подымается к самой крыше. Вот твой дом, вот твой вечный дом. Я знаю, что вечером к тебе придут те, кого ты любишь, кем ты интересуешься и кто тебя не тревожит. Они будут тебе играть, они будут петь тебе, ты увидишь, какой свет в комнате, когда горят свечи. Ты будешь засыпать, надевши свой засаленный и вечный колпак, ты будешь засыпать с улыбкой на губах. Сон укрепит тебя, ты станешь рассуждать мудро. А прогнать меня ты уже не сумеешь. Беречь твой сон буду я.⁴

Далее следует эпилог, а заключительного абзаца, известного всем читателям романа «Мастер и Маргарита», больше нет. Оказалось, что с научной точки зрения он занимал это место неправомерно; у него другой статус – статус зачеркнутого фрагмента.

Вот текст этого изъятого абзаца. Мы говорим «изъятого», желая подчеркнуть некую насильственность действия, потому что в нашей памяти этот абзац жив и значение его велико и нестираемо.

³ Том 2. С. 86

⁴ Том 2. С. 803.

Так говорила Маргарита, идя с мастером по направлению к вечному их дому, и мастеру казалось, что слова Маргариты струятся так же, как струился и шептал оставленный позади ручей, и память мастера, беспокойная, исколотая иглами память стала потухать. Кто-то отпускал на свободу мастера, как сам он только что отпустил им созданного героя. Этот герой ушел в бездну, ушел безвозвратно, прощенный в ночь на воскресенье сын короля-звездочета, жестокий пятый прокуратор Иудеи, всадник Понтий Пилат.⁵

Вот такой он – этот изъятый абзац.

Самое главное: удаление этого абзаца из основного текста вовсе не каприз текстолога, в этом деянии нет субъективного, волюнтаристского начала. У Е. Колышевой, по сути, не было выбора. На основании научного анализа она отвергла машинопись 1963 г., а вместе с тем и возможность включить в основной текст этот абзац. Ибо признав источниками основного текста перечисленные выше рукописные и машинописные тексты, она и должна была строго следовать логике своего исследования.

В машинописи 1938 – 1940 гг. (10.2) этот фрагмент зачеркнут, а вместо него вложен новый машинописный лист с номером 496, продолжающий нумерацию страниц *машинописи 10.2*, на котором заканчивается глава 32 словами Маргариты: «Беречь твой сон буду я», а затем появляется название «Эпилог» и начинается текст эпилога. Окончание работы над эпилогом отмечено датой «14 мая 1939 года», поставленной сразу под текстом эпилога на странице 512. Фотокопии⁶ страниц 496-й и 512-й Е. Колышева поместила во втором томе, чтобы снять все сомнения читателя в оправданности изъятия последнего абзаца из основного текста. Кроме этого, Е. Колышева приводит несколько аргументов за то, чтобы отказаться от машинописи 63 года, подготовленной вдовой Булгакова в качестве основного текста. Одним из ее аргументов за отказ является именно «незаконное» возвращение Е. С. Булгаковой в текст вычеркнутого самим Булгаковым последнего абзаца 32 главы.

Тем не менее, даже беглый просмотр таблицы «Свод разночтений...» показывает, что Елена Сергеевна не сделала больше ни одной столь обширной и значимой вставки в окончательный текст. Это исправление в корне отличается от той редакторской работы, которую она проделала. Оно исключительно и беспрецедентно. Вся же остальная редакторская работа, проделанная Еленой Сергеевной, идет на уровне мелких исправлений. А вот ее решение - вернуть этот абзац - выглядит исключительным, а вовсе не рядовым и одним из многих.

Не будем обманывать себя: принимая решение вернуть в окончательную версию текста романа этот зачеркнутый абзац, вдова Булгакова ставила себя в очень непростую ситуацию. Какие

⁵ Том 2. С. 516 – 517.

⁶ Том 2. С.543 – 544.

мотивы двигали ею? Нужно ли подозревать ее в сознательной фальсификации, сделанной по глупости, недостатку профессионализма или из эгоистического интереса? Или это решение имеет другую природу? Это вопрос не праздный.

Попробуем реконструировать ситуацию изнутри, как она могла представляться самой Елене Сергеевне.

В 1963 г. она, будучи уже вовсе не молодым человеком, все еще ничего не знала о судьбе булгаковского литературного наследия, бережно ею сохраняемого. Создание эталонного, окончательного текста романа рассматривалось ею как исполнение высокого долга и перед памятью о Булгакове и перед будущими поколениями. Мы знаем, как для нее была важна высокая версия о ее роли в жизни Булгакова и в деле сохранения его наследия. Поэтому нужно отдавать себе отчет в том, что она осознавала, что якобы «нарушает авторскую волю», когда включила вычеркнутый абзац в окончательную, с ее точки зрения, версию текста. Значит, она считала это совершенно необходимым. В этом вопросе ее мнение не учитывать нельзя, ибо это не мнение ученого-архивиста, текстолога, редактора или филолога. Это мнение свидетеля, присутствовавшего при таинстве рождения великого романа, мнение посвященного, допущенного внутрь таинственного круга, куда никому другому доступа нет, а также это мнение внимательнейшего читателя, влюбленного в этот роман. Подобно Маргарите, она могла бы сказать, что *«в этом романе ее жизнь»*.

Она могла бы не включить этот фрагмент текста, подчиняясь формальной логике: раз вычеркнут – значит, его нет. Но ее решение ясно говорит о том, что ***она знала, что хотя он вычеркнут - он есть***. Это парадокс, но это парадокс – свойство настоящего искусства. Текст, даже будучи вычеркнутым, тайно живет своей самостоятельной жизнью в романе: в точке этого абзаца сходятся важнейшие мотивы, такие как *«затишающая исколотая память»*, мотив *«отпускания на свободу»*, связанный с мотивами «сна» и «смерти», а также важнейшая тема прямой связи автора-создателя с собственным героем. Ибо за неопределенным местоимением *«кто-то»*, конечно, скрывается сам Булгаков – создатель своего героя. Поэтому фраза: *«кто-то отпускал на свободу мастера, как сам он только что отпустил созданного им героя»*, - может быть расшифрована как лирический мотив, как трагическое предчувствие скорого окончания собственной жизни и возможной гибели рукописи романа «Мастер и Маргарита».

Мы уже вступили в сферу догадок о существовании чего-то очень важного, о чем никаких свидетельств нет. Продолжим идти по этой сомнительной дорожке.

Если кто-то и мог знать хоть что-то о том, как, почему и при каких обстоятельствах был вычеркнут этот абзац, то только сама Елена Сергеевна. Например, этот очень горький и

беспросветно-безнадежный финал мог быть удален когда-то просто из суеверного страха, что предсказанное сбудется. В любом случае, оставаясь в рамках строгой логики, мы можем лишь утверждать, что на момент 14 мая 1939 г. авторская воля была именно такой, и отсутствие этого абзаца как воплощение воли автора имеет на момент 14 мая документальное подтверждение. А дальше, после 14 мая, автор продолжал править рукопись, и эту работу остановила смерть Булгакова на главе 19-й включительно, то есть он не успел добраться до финала, поэтому «ни в письменной, ни в устной форме» он уже не мог «изъявить» свою авторскую волю.

Когда речь идет о Елене Сергеевне Булгаковой, личности очень непростой, многомерной, надежно хранящей свою «личную тайну», никому не позволяющей переступить некую невидимую черту (См. стихотворение А. Ахматовой «Хозяйка», посвященное ей), то полезно понимать, что Елена Сергеевна существовала одновременно в нескольких «ипостасях» и измерениях. Назовем лишь те, о которых имеет смысл напомнить в контексте нашей темы и которые трудно поставить под сомнение.

Она была преданной женой Булгакова, которую он любил, которой доверял.

Она была его другом, самым близким ему человеком.

Она была верным помощником в его писательской работе, была его секретарем,

Она была сиделкой и самоотверженно ухаживала за смертельно больным мужем, пытаясь хоть как-то облегчить его физические страдания.

Она была красавицей, и Булгаков любовался и гордился своей женой.

Она была его музой, вдохновляя его своей искренней любовью к его творчеству. Она в самые трудные времена поддерживала Булгакова тем, что свято верила, что его труд не напрасен, что его талант будет оценен читателем.

Она привела в порядок его рукописное наследие, бережно сохранила его. Она успела при своей жизни подготовить и издать роман «Мастер и Маргарита». Она вернула имя Булгакова в русскую литературу.

Она была прототипом Маргариты, знала это и гордилась этим. У нас нет оснований не доверять ее свидетельству об этом: «...Однажды он сидел, писал «Мастера» и, оторвавшись от стола, сказал, улыбаясь: - Ну и памятник вздул я тебе!»⁷ Может быть, здесь уместно пояснить, что Булгаков, прямо назвав «памятником» своей жене образ Маргариты, тем самым наделил Елену Сергеевну некоторыми особыми правами, а себя как автора связал перед ее лицом некоторыми обязательствами: по крайней мере, автор признавал, что она была вправе ожидать, что

⁷ Цитируем по книге: Чудакова М. Литература в школе: читаем или *проходим*? Москва. «Время». 2013. С. 88.

«памятник» придется ей по сердцу. А это, в свою очередь, означало, что ей было дано право суждения, с которым, конечно в определенных пределах, не мог не считаться сам писатель, когда вычеркивал этот абзац.

Елена Сергеевна была весьма посредственным редактором, как показало исследование Е. Колышевой, что не отменяет значительности ее поступка – возвращения зачеркнутого абзаца. Ибо за его возвращением стоит вовсе не редактор, а человек, знающий о том, что он **должен** сделать.

Теперь же, без последнего абзаца, роман заканчивается словом Маргариты. Что само по себе умножает самостоятельное значение этого слова в устройстве романа. Этим окончанием Булгаков как бы вверяет свою посмертную судьбу и свой смертный сон в бережные руки «Маргариты», которая обещает: *«а беречь твой сон буду я»*. Так расшифровывается лирический пласт смысла этих последних слов главной героини романа.

Невозможно сомневаться, что вся жизнь Елены Сергеевны после смерти мужа, была посвящена служению его памяти: его вечный покой и сон оберегала Елена Сергеевна, всю оставшуюся жизнь посвятив заботе о его рукописном наследии, о котором он сам уже не мог позаботиться. И вот, обремененная грузом такой ответственности, она вдруг «нарушила авторскую волю» Булгакова, возвратив на место вычеркнутый абзац.

Убежденность Е. Колышевой в том, что «если бы воля автора, изъявленная в устной или письменной форме, требовала возвращения рассматриваемого абзаца, то он был бы представлен в *машинописи 40*», - аргумент очень весомый. Но и мнение Елены Сергеевны Булгаковой, вернувшей зачеркнутый абзац в финал главы 32, не менее значимо для нас. Возникшая ситуация заставляет нас делать трудный выбор, и это отнюдь не формальный спор: речь идет о его последствиях в дальнейшей судьбе булгаковского романа.

Будет ли забыт будущими поколениями читателей изъятый последний абзац? Как изменяется смысл финала при его отсутствии? Надо ли вообще обсуждать этот вопрос? Что делать, если текст этого абзаца продолжает свое «нелегитимное» бытие в сознании читателя, являясь ключом к некоторым неразгаданным загадкам романа?

На самом-то деле, всю эту проблему создает качество этого текста.

Он так по-булгаковски провокативен, художественно совершенен и абсолютно выверен и отточен в качестве финала сюжетной линии мастера и Маргариты! Ведь это заключительное прощальное лирическое слово автора-повествователя о своем герое. Это рамочное слово, без него слово Маргариты становится заключительным и приобретает абсолютный смысл, хотя в романе все суждения Маргариты как бы помечены самыми разными знаками сомнения. В этих

заключительных словах Маргариты представлена идеальная картина мира, которая без последнего авторского горько-иронического слова должна восприниматься в качестве абсолютного идеала, причем идеала достигнутого.

Опять же педантично отметим, что финал 32-й главы без последнего абзаца – это финал для героини комплиментарный. Если бы Елену Сергеевну в 1963 году волновала только идея безоговорочного превознесения Маргариты, то зачем было возвращать этот абзац? Нет, под каким углом ни смотри, никаких эгоистических мотивов у этого деяния не обнаруживается.

Итак, подводя итоги, выделим из всего ранее сказанного рациональное зерно.

Труд Елены Колышевой не только огромен, но и методологически совершенен. Значение этого издания трудно переоценить. Это настоящий подвижнический труд по возвращению Булгакова русской и мировой культуре. Отныне можно считать, что текст самого известного шедевра русской классической литературы XX в. издан достойно, что и является реальным выражением благодарной памяти потомков своему любимому писателю.

Теперь каждому исследователю булгаковского романа «Мастер и Маргарита», который продолжает тревожить читателей и литературоведов своими загадками, доступно тщательно подготовленное и прекрасно изданное «Полное собрание черновиков романа», по которому можно самому отследить историю создания этого текста.

Главная идея этого издания состоит в том, чтобы максимально доказательно обосновать, почему «источником установления основного текста является машинописный текст 1938 г. с системой правки 1938 – 1940 гг., включая изменения текста, сделанные в машинописи 1939 – 1940 гг. до главы 19-й включительно с учетом характера печати и правки Е.С. Булгаковой». Это положение обосновано безупречно.

Научные изыскания текстолога вообще не предполагают обсуждения мотивов, руководствуясь которыми вдова Булгакова вернула в свою версию окончательного текста зачеркнутый абзац. Поэтому этого обсуждения в комментариях Е. Колышевой нет, и претензии по этому поводу неуместны. Е. Колышеву должно и нужно только благодарить за окончательную ясность, в освещении вопроса о том, как должен выглядеть текст романа Булгакова с точки зрения строгого научного подхода.

Мы же хотим обратить внимание профессионального сообщества литературоведов-булгаковедов на нашу уверенность в том, что, подобно нам, многим читателям и ценителям Булгакова, равнодушным к судьбе любимого романа, будет нелегко смириться с тем, что в Основном тексте отсутствует абзац, который до недавнего времени занимал свое место в финале главы 32-й.

Нельзя ли попытаться найти компромисс? Можно обсудить, например, такой вопрос: может быть, было бы целесообразно рекомендовать добросовестным издателям романа «Мастер и Маргарита» последний абзац главы 32-й всегда набирать курсивом и брать в квадратные скобки с объяснением этого «казуса» в соответствующей сноске.

И еще: в этой статье в фокусе нашего внимания оказалась невидимая граница, с которой сталкивается наука об искусстве, когда в исследуемом предмете обнаруживаются области, не поддающиеся научному исследованию и точной вербализации. Искусство же знает и свидетельствует об этих феноменах «невыразимого», настаивая на абсолютной реальности их бытия. У науки нет возможностей, инструментов и методов обнаружения подобной реальности. Оставаясь в собственных рамках, наука, однако, может и должна строго обозначать черту, за которую ее компетенция не простирается. Издав основной текст романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», Е. Ю. Колышева эту черту обозначила. Задачу же – указать на возможную реальность, находящуюся за этой чертой, - мы постарались в меру наших слабых сил решить. .